

Сов. Курьер, 1986, 19 ноября

Что такое женская красота? Почему каждая эпоха, каждое время несут свое представление о том, какой должна быть красавица? Когда помогает, а когда мешает красоте мода? И можно ли стать красивой, если очень этого захотеть?

Об этом разговаривает сегодня с нашим корреспондентом
Тамара Федоровна Макарова

рядом с интересным собеседником

ТЕМА этой беседы родилась неожиданно. Договорившись о встрече, я ждала свою приятельницу на углу улицы Горького и Козинского переулка. И вот тот, кому случалось в вечерний час бывать в этих местах, с легкой душой поверит, что ничего невероятного тут нет: за те пятнадцать минут, которые понадобились моей подружке, чтобы вспомнить, где у нас назначено свидание, мимо меня в толпе прошли четыре совершенно одинаковые девушки — хорошенькие, изящные, элегантные. Между ними не было кровного родства, даже знакомы они, по всей вероятности, не были. Поставь их рядом — наверное, сразу обнаружилась бы разница. Но, возникшая в потоке прохожих поочередно, они казались похожими с абсолютной точностью навзаимно.

Года два назад на заседании эстетического клуба в редакции «Советской культуры» выступала известная в Москве мастерица парикмахерского искусства. Оглядев придирчивым взглядом зал и попросив уважаемое общество не обижаться, она сказала, что не видит среди присутствующих ни одной женщины, отвечающей современным требованиям. Как видите, пережитая тогда обиды запомнилась надолго...

Тема беседы еще не сложилась отчетливо и окончательно, но очень захотелось поговорить с понимающим человеком о том, что же это такое — женская красота. Где искать такого понимающего человека, определилось довольно скоро. Во-первых, он должен быть женщиной: взгляд со стороны — вещь вообще полезная, но тут как-то сподручнее смотреть изнутри. А во-вторых — так представлялось — актрисой. Ведь актрисе дана привилегия размышлять о проблемах внешности всерьез, глубоко и всесторонне и не бояться при этом упреков в легкомыслии.

Так вот и случилось, что мы встретились с Тамарой Федоровной Макаровой, и я спросила у нее, представляется ли ей красота женщины интересным предметом для разговора.

Интересным — безусловно, но очень уж сложным. Предложу вам мне писать такую статью, я откажусь бы наотрез. Эта тема напоминает мне многоглавого дракона: silonные зубы, хвосты, отростки... и воплощенное коварство характера! — Коварство? Почему?

— А потому что бы, что на сей счет каждый хоть немножко, да размышлял в своей жизни и, стало быть, имеет собственное свое суждение. Повтори его в чем-то — рассердится, что говоришь общезвестное. А уйдешь в сторону, упустят какой-нибудь из этих общезвестных моментов — и вовсе обид не оберешься. Еще обвинят в несправедливости идеалов!

Да и не принято у нас на большой аудитории говорить об этом, о красоте! Одному понравится, другому покажется предубежденным. В каждом из нас сидит, пуританин; очень это глубоко впиталось. Сейчас, правда, многое на глазах меняется — вот устраивают конкурсы причесок, вод демонстрацию туалетов. Врачи, художники, косметологи наперебой советуют женщинам: слушайте нас, старайтесь быть красивыми!

— Но мы с вами не будем бояться осуждения, хорошо? Ну пусть кто-нибудь особо серьезно настроенный, разобравшись, что к чему, отложит газету в сторону. Велика ли потеря! — Давайте считать так. Значит, что такое красота женщины, да?

Первое, что видится нам за этими словами, — это определенный пластический образ: гармония форм, пропорций, красок. Красивое, то есть пластически совершенное лицо, красивая фигура — это и само по себе редкостью прекрасно, это вызывает восторг и восхищение.

Но нам этого все-таки мало. Мы ждем и ищем в красоте гармонию высшего порядка. Нам хочется, чтобы внешняя красота была воплощением совершенства духовного, человеческого, интеллектуального. Впечатление от прекрасного облика заставляет нас почти инстинктивно домысливать столь же прекрасный духовный эквивалент. И мы горько разочаровываемся, если выясняется, что это иллюзия и не более того.

Скажите, давно известно? И другие, наверное, тоже скажут. Вот что я имела в виду, говоря о сугубом коварстве темы. Но как обойтись без этого? Хуже будет, поверьте, если И в том, что скажу дальше, тоже

нет открытия. Идеал женской красоты, живущий в человеческом сознании, очень динамичен, он постоянно и неудержимо меняется. Мы до сих пор поминаем с трепетом античных красавиц, но это восхищение мастерами, их изваяниями, а вовсе не их моделями. Появившись в наши дни живая Венера — и скорее всего она оказалась бы на современном взгляд чересчур громоздкой, чересчур резко очерченной.

Впрочем, не обязательно даже совершать экскурсию к древним грекам, достаточно вспомнить и сопоставить времена совсем недавние. Двадцатые годы — и наши дни. Грета Гарбо — и Брижитт Бардо... Меньше чем за полвека — такая метаморфоза идеала!

— Но ведь тип — если говорить об определенном женском типе — Грета Гарбо и нам кажется, воплощением красоты. А как отнеслись бы люди двадцатых годов к облику Брижитт Бардо? Наверное, сочли бы ее дурнушкой...

— А в этом, видимо, проявляется какой-то общий эстетический закон. В нашем внутреннем мире Рамо и Куперен прекрасно уживаются с Прокофьевым и Стравинским, а Поляклет — с Роденом. Мы уважительно храним в эмоциональной памяти все, чем наслаждались наши предки, наша душа с готовностью на это отказывается — словно в наших сегодняшних вкусах продолжают свою жизнь вкусы тех, кто жил до нас. А с будущим, даже самым близким, у нас нет таких связей. Проиграй нам сейчас кто-нибудь музыку двадцатого века — поймем ли мы ее? Примем ли?

— Мы говорим об идеале женской красоты — своим для каждой эпохи. Но ведь красота всегда бывает гораздо многообразнее, чем какой-то определенный характер внешнего облика, возводимый на пьедестал. Что же формирует общепринятый идеал? Очевидно, в первую очередь искусство —

— Надо еще подумать, в первую или во вторую очередь. Канонизирует тот или иной вариант красоты, зарабатывает ему популярность и всеобщее признание, безусловно, искусство. Раньше — скульптура, живопись, даже литература. Ведь, например, «тургеневские девушки» — это не только духовный, но и пластический тип, при всей его внутренней многохарактерности. Теперь же больше — кинематограф.

Но ведь кино, особенно на Западе, ежегодно предлагает публике десятки обликов, сотни лиц и личик, словно на выбор. А только единицы утверждаются в роли идеала или в приближении к нему. А остальные? Прославляются почти незамеченными. Очевидно, идеал женского облика вырастает из каких-то очень серьезных и значительных социальных процессов, его формирует движение общественной мысли, настроения, владеющие людьми. Не берусь утверждать (это требует специального изучения), но можно предположить, что отход от классической безупречности черт в какой-то мере связан с отказом от стремления к исключительности — ведь на скульптурно правильные лица и фигуры природа во все времена была достаточно скупа. И посмотрите: параллельно в бытовой эстетике — все усложняющееся стремление к стандартизации, а тут уже очевидные взаимосвязи с производством, с техническим прогрессом. Красавицу эпохи Бальзака мы можем представить себе только в специально для нее придуманном и выполненном туалете, в окружении уникальной, ручной работы мебели. И это органическим и необходимым дополнением входит в ее облик. А наша красавица современница, не утрачивая своего ореола, ходит в платьях фабричного производства и окружена такими же стандартными вещами —

лишь бы все это было хорошо сделано.

Искусство, по-моему, в соответствии со своей природой и тут подхватывает то, что, как говорится, носит в воздухе. И если ему удается попасть в точку, публика находит зримое воплощение идеала. Кинозвезда — поскольку мы говорим о Западе — становится кумиром. Рекламы лишь наращивает обороты популярности. Но реклама не может слепить ее из ничего.

— Вы говорили, Тамара Федоровна, что идеал женской красоты непременно бирает в себя духовное начало. Нарастает оно или убывает, если постараться представить себе эволюцию идеала?

— Мне кажется, безусловно нарастает. Причем не только в нашем обществе (у нас это — естественный результат грандиозных социальных изменений) — процесс этот, мне кажется, имеет общечеловеческий характер,

Тамара Федоровна Макарова

хотя в буржуазном мире идет, разумеется, медленнее.

Мы уже говорили о Брижитт Бардо, но трудно не вспомнить о ней еще раз, вы сейчас поймете, почему. Брижитт — и женщина (насколько мы можем себе ее представить) и созданный ею на экране тип героини — воплощает все очарование женского легкомыслия, непосредственности, взбалмошности. Но она и рапалое наполнена. Она не раз участвовала в прогрессивных общественных кампаниях. Разве это не показатель?

Или вот еще один пример. Сергей Аполлинарьевич Герасимов вернувшись недавно в Париже с Симоной Синьоре, которая должна сниматься в новой его картине. В сценарии есть такой эпизод: французская актриса (Симона будет играть, по существу, самое себя) беседует с советскими журналистами. Для сюжета важен факт беседы, а не ее содержание. Предполагалось, по логике, что разговор должен пойти об искусстве. Но Симона не захотела говорить об искусстве. Она захотела говорить о политике. Это тоже раскрывает многое, не правда ли? А уж насколько интеллигентны все героини Симоны Синьоре, какая интеллигентная бытность в них мысль, как богат мир их переживаний, это знает всякий, кто хоть раз видел ее на экране.

И наше кино, стоит лишь присмотреться, и сопоставить, дает возможность проследить, как духовное начало становится главенствующим в облике. Теперь плохая актриса, как бы она ни была хороша собой, славы не завоеует. Ею, конечно, будут восхищаться (иначе как же можно?), но со всеми необходимыми оговорками. А ведь что такое плохая актриса? Это означает в первую очередь, что духовная сущность героини остается нераскрытой, не видимой для зрителя, — и зритель этого не прощает...

— Очевидно, в соответствии с этим глубоко выношенным идеалом красоты формируются и мода — в одежде, в прическах, в обуви, в украшениях? Если, конечно, иметь в виду не миомлетные всячины, вроде цвета сезона, диктуемые естественной тягой к разнообразию, а нечто более устойчивое, стабильное — общий склад внешности. Мода стремится подчеркнуть то, что утверждается идеалом, и скрыть, завуалировать то, к чему он настроен скептически. Как вы относитесь к сегодняшней моде?

— Мне она нравится, очень нравится, и больше всего тем, что помогает подчеркнуть извечную женскую сущность: мягкость, лиризм, изящество — женственность, точнее ее подчеркнет слова. И опять-таки

мне видится в этом глубокая закономерность.

Ближайшая к нам история моды рисует мне следующим образом. Начало нашего века во всем мире — время освобождения женщины. Мы получили гражданские права, мы стали занимать одинаковые с мужчинами должности. В нас перестали видеть только украшение жизни и охранительниц домашнего очага.

И во внешнем женском облике (как естественная, наверное, реакция) произошли разительные перемены. Вы вспомните, как выглядели, например, русские курески — они учились, они готовили себя к трудовой жизни, и как же непохожи были они всей своей внешностью на девиц, ожидавших замужества под очным кровом!

А потом, когда эмансипация приобрела размах, женщины постарались как можно меньше походить на себя и как можно больше уподобиться мужчине. Короткая, плотно прилегающая к голове стрижка; нарочито обеденного покроя костюм; фундаментальная обувь; сухие, жесткие линии, тяжелые, негибкие ткани... Я, конечно, упустила множество нюансов. Но общий стиль был именно таков.

А сейчас, не сразу и не вдруг, но все очевиднее сейчас женщина все больше возвращается к самой себе. К своей сущности. К своему естеству. Она сохраняет все свои завоевания — самостоятельность, независимость, равноправность. Но уже никому не подражает и никоим образом не пытается имитировать. Наоборот — она нахо-

СЕКРЕТ КРАСОТЫ

дит все больше и больше способностей всеуслышания заявить: женщина остается женщиной.

В этом мне видится смысл изменений в нашем костюме, их последовательная логика.

— Значит, следуя современной моде, женщина выигрывает во внешности?

— Конечно, выигрывает! И особенно потому, что сегодня мода, как редко бывало раньше, допускает множество вариантов. Нам есть из чего выбрать, а это хорошо не только по результатам, но и как процесс. Ведь женщину украшает не столько удачное платье, сколько весь комплекс связанных с ним ощущений и переживаний.

(Чтобы не повторяться, не стану приводить свой следующий вопрос: рень шла о четырех девушках-близнецах с улицы Горького).

— Четыре? Ну это еще не так много. Каждый год на приемных экзаменах во ВГИКе я вижу десятки совершенно стереотипных девичьих фигурок. Они продумано, часто даже удачно одеты, причесаны, подкрашены. Но начисто лишены индивидуальности, словно сошли с одного конвейера. Редко-редко мелькнет в этом стандартном потоке ни на кого не похожий, свой, собственный облик. Мелькнет — и сразу невольно останавливаешь внимание. К слову сказать, и на экзамене, с чисто профессиональной точки зрения, именно эти непохожие, чаще всего заставляют говорить о себе.

Только мода ли тут виновата — сегодняшняя, заворающая, какая угодно? Нет, конечно. Виновато умение с нею обращаться. Эти девочки — они отлично знают, что носят, как носят и с чем носят. Их не упрекнешь в том, что у них плохой вкус — ничего, что провинчило бы основным требованиям вкуса, они из себя не наденут. До этих пор их разознаваемость простирается. Но дальше — стоп. Как применить этот общий принцип к себе, к своей внешности, к своей индивидуальности, чтобы мода не убивала, а подчеркивала (зона это умеет!) обаяние личности, этого девочки не знают.

Не знают девочки и такой очевидной вещи, что в одежде все самое интересное, яркое, эффектное возникает, как правило, на границе дозволенного модой и отвергнутого ею, узаконенного и незаконного. Тут снова напрашивается аналогия с искусством, но я боюсь обвинений в кощунстве за такую параллель.

А не знают всего этого девочки по той простой причине, что ничто из этого не учили и не учат. Самое большее, что могут они почерпнуть в печатных рекомендациях на сей счет, — это советы чисто утилитарного характера: вроде того, что для полной фигуры лучше продольные полоски, а для худощавой — поперечные. Спасает интуиция, но это тоже дар божий. — А раз не учат, значит, надо

учить. Правильно я поняла вашу мысль?

— И так, и, наверное, не совсем так. Учить, безусловно, нужно, только чему и как?

Вот давайте с какой стороны попробуем подойти к ситуации. Чего прежде всего хочет каждая девочка, заставляя до дырок модный журнал? Быть модно одетой? Это скорее средство. Главное, чего ей хочется, — это быть красивой, приблизиться к очень уже хорошо ей знакомому эталону красоты. Правда же?

Девочка смотрит в зеркало (все мы очень рано начинаем это делать) и внимательно изучает себя. Ей кажется, что у нее необыкновенные глаза, но неудачный носик. Или, наоборот, нос ей нравится, а глаза не устраивают. Иногда она права, иногда ошибается.

Я помню, как на консультации долго разговаривала с одной из таких девочек. Я пыталась осторожно внушить ей, что актерская профессия предъявляет довольно жесткие требования к внешности. Девочка очень обиделась и сказала мне: «Знаете, Тамара Федоровна, каждый человек себе нравиться», — и я не нашлась, что ей ответить...

Но не в том даже суть, что мало научились верно и трезво оценивать свои внешние данные, хотя это — великое и не сразу дающееся умение. Девочки рассматривают себя в зеркале по частям, но мы-то — мы видим их со стороны, целиком. И то, что мы видим, или приближается к нашему представлению о красоте,

для противоречит ему. Мы видим, как девочка движется, какой у нее жест, какая походка. И если она неестественно, неуклюже, неграциозна, самые прелезные глаза и носик не спасут впечатления.

Мы видим, как она общается с окружающими знакомыми и незнакомыми. И если она не умеет себя вести, если она груба, невежлива, бестактна, самая раскрепасная внешность покажется нам отталкивающей.

Мы смотрим дальше — и невольно начинаем за манерами, за формой поведения искать человеческую сущность. Хорошо ли она относится к людям? Добра ли она (когда вы будете писать, очень вас прошу, это слово — добра — выделите как-нибудь жирнее. Мне это требование представляется важнейшим)? Можно ли с ней дружить, доверять ей, искать ее помощи и сочувствия? И если она черства душой, эгоистична или бесчестна, мы воздадим (бог с ней!) должное ее внешности, но откажем в праве на подлинную красоту.

Мы смотрим в ее глаза, и нам мало радоваться их форме, величине и цвету. Мы ищем в них отражения мыслей, сложных душевных движений. «Кукля», — так говорим мы о тех, в ком не находим этого. «Красивая кукля!»

Девочки, которым кажется, что весь фокус — в модной юбочке да в красивой подведенных глазах, могут испытывать длинное перечисление требований — а чет ведь только начались, и ведь они величаво прилежно... Но мы тут же возражим им: вы же хотите быть красивыми! Вы претендуете на одно из самых великих званий на земле! Было бы нестрашно, если бы оно давалось за одну порывковую да парикмахерскую изобретательность...

Вот и получается, что красота — это не только дар природы. Это производное от общей культуры. Это один из итогов и духовного, и нравственного, и интеллектуального воспитания.

— Но разве не бывает, Тамара Федоровна, что женщины, достигшие по всем этим пунктам высокого совершенства, все-таки сильно уступают неразумным девочкам во внешности, хотя природа их вовсе не обидела? Ведь это по-настоящему грустно — кому, как не им, и быть, и считаться красивыми, а получаются как-то современная разовидность «синего чулка»...

— А это просто лишний раз свидетельствует о том, что в процессе воспитания ничто не произрастает само собой.

Я помню, в гимназии у нас были специальные классные дамы. Они сидели на всех уроках и бдительно следили за нами. За нашими манерами, за нашей аккуратностью, за тем, красиво ли завязан бант и ровно ли сидит воротничок. Другое дело — насколько приемлемы в нашей жизни те принципы, которым служили классные дамы. Но своего они умели

добиться, надо отдать им справедливость.

Сейчас, как мне известно, у школы главная забота — чтобы не слишком рано девочки начинали думать о туалетах, чтобы не слишком большую роль играли в их жизни тряпки. Наверное, нелегко соблазны здесь золоту середину; но что легко в воспитании? А отбуть у будущей женщины вкус и охоту следить за своей внешностью, думать, заботиться о ней — это, по-моему, не меньшее зло.

Когда я снималась в «Маскараде», мне пришлось пройти целую школу хорошего тона у одной старенькой актрисы. Как двигаться в корсете, как протянуть руку для поцелуя — на все нашлись свои правила и установления; и все надо было уевить и закрепить в себе до полного автоматизма.

Мы не ходим в корсетах, руки нам теперь редко целуют. Но разве в нашей жизни нет каких-то правил тона, которым мы считаем нужным следовать? А кто учит, кто следит за тем, чтобы их уважала молодежь, эти самые девочки? Неудобно рассказывать, но вот уже во второй виковской мастерской нам приходится ставить специальные «застольные» этюды, чтобы научить студентов — будущих режиссеров! — пользоваться ножом и вилкой...

Балерины приходят в класс в раннем детстве. Они начинают с элементарных, самых простых движений, и эти движения, постепенно усложняясь и совершенствуясь, становятся высоким искусством. Точно так же умение, о котором мы говорим, — умение быть красивой во всем комплексе его проявлений должно закладываться в самом раннем детстве. Пусть вначале это будет самое элементарное — аккуратность, подтянутость, собранность. Никто не скажет, что так из малышки вырастет преждевременная кокетка. А фундамент заложится на всю жизнь.

Именно на всю жизнь, а не до 20—25 лет, как сейчас нередко получается. Смотрите, что происходит. Девушки неукоснительно следят за собой, за своей внешностью, стараются быть как можно более привлекательными. Ими движет могучий стимул — любовь, которая уже пришла или должна прийти завтра.

А потом словно выключается какой-то рубильник! Женщины еще молодого годами, полна сил, здоровья, энергична. Но что-то очень существенное в ней угасло. Она не заботится о своем облике. Одеты как попало, причесана как придется, распустила в себе все тесемки... Можжр подумать, что, выйдя замуж, она выплюнула свое основное жизненное предназначение и теперь может спокойно уезжать!

Не будем делать вид, будто не знаем, как трудно приходится женщине, если она и работает, и ведет семью. Но все равно мне кажется, что главная беда — не в обилии забот, а в отсутствии потребности быть красивой, сознания того, что это необходимо.

— Что же, по-вашему, нужно сделать, чтобы продлился век женской красоты?

— Мне кажется, у нас перест глазами великодушный пример — пропаганда здоровья. Куда ни приди сейчас, с кем ни вступи в разговор — только о том и слышишь, что полезно, что вредно, как от чего лечиться, что принимать... Да вот, чтобы далеко не ходить: сегодня я несколько минут простояла в очереди в химчистке, а уже узнала, что надо есть побольше овощей (от склероза) и пить сок алоэ с медом (он полирует кров)... Ничего особенного — журнальная статья, десятиминутная беседа по радио, страничка в отрывном календаре, маленький плакатик — а все вместе они успешно справляются с делом.

Вот так же поставь бы у нас пропаганду красоты. Спокойно, неторопливо, ненавязчиво, не рассчитывая одним ударом поубивать всех зайцев, поворачивать общественное мнение к той мысли, что женщина должна быть красивой прежде всего для себя, и в пятьдесят лет не меньше, чем в двадцать!

— Но в ближайшем будущем ситуация, видимо, существенно изменится. Те девушки, о которых мы столько сегодня говорили, — над ними можно посмеиваться, их можно даже поругивать, но одного у них не отнимешь: они по-настоящему поняли, что красота — это естественное, каждодневное состояние женщины, а не праздничная к ней добавка.

— А вот живой пример: в нашем молочном магазине, в будочке, где принимают платную посуду, работает девушка. Кто ее там видит, кроме вечно спешащих хозяек! А она всегда одета и причесана с большим вкусом. Не для кого-нибудь — для себя. Вот что самое ценное!

Надолго ли сохранится это стремление к красоте? Будущее покажет. А хорошо, если сохранится польза! Беседу вел Д. АКВИС.